

ПРИРОДА ЯЗЫКА: ОТ ЗВУКА И СЛОГА К ТЕКСТУ

УДК 81'44

КОНЦЕПЦИЯ ТОПИЧНОСТИ СЕМОУНИВЕРСАЛИЙ — «ВОСКРЕСЕНИЕ» ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА?*

Г.-Дж. М. Ганапиева

НИИ фольклора, литературы и журналистики
Дагестанский государственный университет
ул. Магомеда Гаджиева, 36, Махачкала, Россия, 367025

В статье рассматриваются проблемы номинации в свете концепции топичности — авторской версии звукоподражательной теории происхождения языка, сформулированной автором в монографии «Язык и космические технологии». Определяющая роль в генезисе и эволюции языка принадлежит: природной заданности образно-логического восприятия и осмысления сознанием мироздания как мегасистемы взаимодействующих между собой разноуровневых классов топосистем-аналогов. Звучание стихий (Огня, Воздуха, Воды, Земли) и частных форм их бытия, а также иных живых объектов природы явилось как базисом для формального аспекта языка, так и фундаментом его семантической структуры. Звукоподражание является исконно свободным и многовариантным.

Ключевые слова: глоттогенез, семоуниверсалии, звукоподражание, метонимия.

Глоттогенез всегда был и остается одной из самых фундаментальных, самых вдохновляющих тем лингвистики, он вызывает больше всего споров, порождает множество противоречивых мнений. Наша концепция возникновения языка создана на богатом материале нахско-дагестанских языков, принадлежащих к древнейшей алародской макросемье языков, включающих хаттский, этрусский, картвельскую и нахско-дагестанские группы, а также, среди прочих, древние языки Иберии и эускера, единственный язык данной семьи, сохранившийся в Европе [2].

Нахско-дагестанские языки являются по преимуществу эргативными, и весь их грамматический строй несет на себе следы самых архаических состояний языка, что делает их материал особенно ценным для нашего исследования.

Важнейшими компонентами глоттогенеза, как мы постараемся доказать в нашей работе, являются: а) свободное, многовариантное звукоподражание; б) метонимическое наименование по смежности (концепция топичности).

---

* Рец.: доц. А.Л. Гелегаева (ДагГУ); к.ф.н. М.С. Бройтман (РУДН).

Источником природных звуков являются Стихии: Огонь, Воздух, Вода, Земля, реализующиеся в бесконечном разнообразии частных форм их бытия, «языки» которых могут не только быть индивидуальными, но и пересекаться, совпадать, — составляют систему жизнеобеспечения всего живого, в т.ч. и человека — единицы биосферы [1. С. 28—29].

Звучания Стихий и иных «говорящих/живых» объектов Природы явились базисом как формального аспекта человеческого языка, так и фундаментом его семантической структуры [1].

Звучания Стихий на заре глоттогенеза воспроизводились в звукоподражаниях изначально аппроксимированно и множественно, например, подражания звучаниям Воды (и других жидкостей) в различных состояниях, например:

лак. чях — чях, лак. чяр — чяр, лак. вах-вах, лак., чIартт. гьарал вах куна досл. дождь **вах** сказал (о непродолжительном крупном дожде); *лак. вах буллуну лачIлачIисса гьарал* (досл. **вах** дав липнувший дождь) о частом и крупном упорно продолжающемся дожде; (ср. также: *дарг. вих-бикIни / вях+бикIни* журчание), *лак. жур — жур, лак. шур-шур, лак. гур — гур, лак. х ь х ь а р — х ь х ь а р, лак. х ь х ь а р — х ь х ь у р, лак. х ь а р — х ь а р, лак. х ь а р — х ь у р, лак. гьа в х ь — чав х ь, лак. чя в х ь — к ь я в х ь* *лак. х ь х ь и р — х ь х ь и р, лак. сир — сир, лак. х ь х ь ев — х ь х ь ев* и т.д.

Сравним теперь **однокоренной** (или/и подобный) с вышеприведенными звукоподражаниями характер ономастов, обозначающих различные взаимодействия человека с водой, жидкостью: глоток *лак. ххув — дарг. кьум*; маленький «глоток», производимый втягиванием жидкого, словно процеживая *лак. ссипI*; втянуть жидкость мгновенно, сложив губы «в трубочку» *лак. ссупI*; сосать *лак. цIупI /+а +дан /+тIун* досл. *цIупI /+а* (+сделать /+говорить) — *дарг. супI+бирес, дарг. чIяпI+бирес*; выпить *лак. хIлачIан*; о непрерывном ряде крупных глотков *лак. нахIала (бан)* досл. *нахIала* (сделать), ср.: напиток *лак. хIан*; пиво — хмельной напиток из солода *лак. дукьра хIан* досл. «густой напиток»; *лак. хьхьин+ча* перебродивший, разбавленный водой солодовый напиток и др.

Сравним также **однокоренные** с вышеприведенными звучаниями **обозначения** частных форм функционирования Воды/жидкости/влаги в Природе: поток *ав. Чвахи* — водопад *лак. чюх*; поток *ав. ихх* — река *лак. нех*; вода *лак. щин* — *дарг. шин* — *ав. льым*; родник, ключ / источник *лак. щаращи*, озеро *дарг. ша+ра*, роса *лак. хьхьем*, море *лак. х ь х ь бири* — *дарг. урхьу*; болото *лак. х ь х ь унцIа* — *авар. хьуцI*; волна *лак. щатIи*, пена *лак. х ь а ма* — *дарг. хьамхьа*, ливень *лак. чяв х ь а* — *дарг. чяхIзаб*, изморось *лак. х ь х ь и р — х ь х ь и р — дарг. вязьала*, ср.: *лак. вез-вез тIий лачIлачIисса гьарал* досл. **вез-вез** «говоря идущий дождь» (о нудном и затяжном дожде); или: *лак. вез буллуну лачIлачIисса гьарал*; а также: *лак. сирси+лу* (изморось), однако *дарг. сирис* изморозь, и др.; в обозначении населенного пункта (ср.: *дарг. ши* село), объекта хозяйственного назначения, ср.: *дарг. шин+кьа* мельница, *дарг. шин+дир* жолоб, и др.; в имени признака, опосредованно связанного с водой, ср.: *дарг. шин+иш+а* зеленый, *дарг. шин+кIа +си* мокрый, сырой и др; а также *дарг. шин+га+ри* волдырь и др. Ср. типологически

богатство однокоренных имен концептов, связанных в т.ч. с водой в русском языке: *рус. вода, рус. Волга, рус. волна, рус. волглый — влага — влажный* и др.; *рус. го+вор+ить, рус. ворчание, рус. ропот, рус. гул, рус. шум, рус. плеск, ... рус. журчание, рус. течь, рус. река — рус. речь — рус. ручей — рус. волд+ырь*, и др.

Если **язык Стихий**, представленных в Природе множеством разнозвучных форм, адекватно отражен обилием, в частности, «водных» ономатопопов (см. выше), то наличие множества этноимен у одного и того же «говорящего» природного объекта «жаворонок» (как на эндо-, так и интер-лингвальном уровнях), ср.: *лак. верч1ич1у* (и: *лак. лавай лехху* *досл.* «вверх летун»); *дарг. жир-жир (чяка), дарг. (заки) ч1яв-ч1яв; ав. их(+да+л)* и: *ав. их+да+ла х1инч1* — также логически оправданно: подтверждает (в очередной раз) тезис об аппроксимированном характере воспроизведения человеком «языка» источника звучаний и множественном подходе к выбору мотивов номинации, положенных в основу его обозначения, проясняя, таким образом, не только нюансы природы номинации, но и один из факторов особенностей как интерлингвальной, так и эндолингвальной синонимии.

В частности, один и тот же этнос — даргинский — использует два структурно-однотипных, но формально-различных ономатопа для обозначения одной и той же «певуны», ср.: *дарг. жир-жир / ч1яв-ч1яв*, более того, в контексте с именами различных объектов, обозначенных как родовым концептом *птица*, ср.: *дарг. жир-жир чяка* *досл.* «жир-жир птица»; так и пространственным понятием *небо* — отличительной среды обитания диких пернатых, ср.: *дарг. заки ч1яв-ч1яв* *досл.* «неба ч1яв-ч1яв», тогда как лакские названия жаворонка: *лак. верч1ич1+у* и *лак. лавай лехху* — это и формально, и структурно различные версии-синонимы.

Общее и частное в этноверсиях комментируемого орнитонима: 1) мотив номинации жаворонка во всех трех этноверсиях — единый: звукоподражание. Обратим внимание, однако, на важное различие: лакский и даргинский этносы использовали «язык» самого жаворонка (непосредственный ономатоп), тогда как в аварской версии мотивом стал «язык» не самой птицы, хотя и «говорящей», а вешних вод (т.е. опосредованный ономатоп), в сезон которых возвращаются жаворонки. Следовательно, природный «говорящий» объект может быть обозначен не своим, а «чужим языком» на основании наличия между данными предметами той или иной семантической связи, как прямой, так и опосредованной; 2) более того, «язык» жаворонка воспроизведен различно не только на языковом и межъязыковом уровне, в лакском и даргинском, но и внутри одного и того же даргинского языка, т.е. на эндолингвальном уровне, ср.: *лак. верч1ич1*, однако: *дарг. жир-жир / ч1яв-ч1яв*, что, как отмечалось выше, является одним из факторов возникновения как эндо-, так и интерлингвальной синонимии.

Изначально, на заре глоттогенеза, на этапе синкретичности мышления в поле восприятия и осмысления хомо сапиенса доминирующими (см. выше) оказывались звучащие объекты, представленные прежде всего частными формами **бытия Стихий: Огня, Воды, Воздуха, Земли**. Источник звучания, «говорящий» предмет (*родник, источник воды, лес, огонь*), полагаем, воспринимался недифференцированно от места его пребывания, т.е. как «звучащая часть пространства», иначе как

«говорящая» топосистема, без дифференциации, вне разложения на ее компоненты, составляющие «Тело и Место его пребывания» / Место и его Содержимое» [1], что подтверждается, в т.ч., и даргинскими обозначениями горного «немного» ущелья, сформированного потоками различных вод: небесных осадков — дождя, снега; талых вод с горных ледников — и названного «языком, говором» потоков, несущих щебень и иные обломки скал, ср. очередной пример эндолингвальной синонимии ономатопоного происхождения: ущелье, овраг *дарг. гяв-гяв*, *дарг. хьяш-хьяш*; овраг *дарг. къа+да* (и *дарг. гяв-гяв*, *дарг. хьяш-хьяш*); и др.

Следовательно, при воспроизведении носителем пробуждающегося Сознания «языка» звучащей части пространства имелся в виду не только, например, сам Огонь, но и компоненты, составляющие многоаспектный образ **Огня, Воды** и других стихий: место, время, предметы, явления, события, прямо и/или косвенно связанные как с общими, так и особенными моментами функционирования частной формы той или иной стихии. О корректности данного тезиса свидетельствует и семантика однокоренных слов, ср., в частности, лакские обозначения концептов: *огонь, искра лак. ц1у*, *звезда лак. ц1у+ку*, *молния лак. ц1у-пар*, *блеск лак. ц1ай*, *хворост лак. ц1ай+нна*, *лес лак. вац1а*, *тьма лак. ц1ан*, *факел лак. ц1урукъай*, *травма (в т.ч. ожог) лак. ц1унц1ия...* и др.

Более того, в прежних работах автора статьи и выше выявлены и аргументированы факты обозначения звучаниями **Воды** не только (1) видов «жилища», как (1а) самой воды (см., в частности: ущелье *дарг. гяв-гяв*, *дарг. хьяш-хьяш*), различных видов водоема: «родник, ключ» *лак. щаращи*, «река» *лак. нех* и др., горного потока, особенно в весеннюю пору, богатую дождями и талыми водами снегов и ледников, — *ав. ихх*), но и «населенных пунктов» (1б) людей, оседавших близ водоемов, источников, ср.: «село» *лак. щар* — «источник, родник» *лак. щаращи* (*допускает множественное толкование, в т.ч. «бурлящая/кипящая вода»*) — «вода» *лак. щи+н* (и: сок); «село, селение» *дарг. ши* — «вода» *дарг. ши+н* (и: сок), а также (2) темпорального понятия языков — сезона года «весна» *ав. их*, ср.: *ав. ихх* горный поток; (3) птицы, прилетающей весной, ср.: «жаворонок» *ав. их+дал* (и: *ав. ихдала х1инч1*) и др. Тезис подтверждается широким кругом «контекстных» концептов, имена которых содержат явное или/и «скрытое» ономатопоное ядро, т.е. точно воспроизведенные или/и видоизмененные элементы звучаний той или иной Стихии и других объектов Природы.

Наряду с выше отмеченными факторами, формирующими богатство и различия как лексико-семантической, так и формальной систем языка на эндо- и интерлингвальных уровнях, для понимания природы онто-гносео-логической мегасистемы, формирующих любой этноязык как продукт отражения Сознанием закономерных связей между физическими единицами Мироздания, так и понимания природы самой номинативной сферы, следует учитывать и ряд объективных факторов, а именно:

(1) фонетическое и структурное разнообразие, богатство «языка» одной и той же икс-Стихии, складывается не только по причине (а) наличия многочисленных форм проявления той или иной Стихии с «собственными языками» и (б) особен-

ностями воспроизведения этих звучаний человеком, но и потому, что, например, (в) даже одна и та же форма бытия Огня — костер (не только в открытой местности, но и «костер» в печи) на различных этапах горения, корректируемого условиями рельефа местности, погоды (наличие — отсутствие ветра, осадков...), вида горючего и иных факторов, является источником поливариантных звучаний, что отражено в т.ч. в лакском языке, ср.: *лак. ц̣ир-ц̣ир* (звук едва разгорающегося огня), *лак. гургу* (бушующее пламя), *лак. вархха*; *лак. ххурхху*; (г) более того, в процессе функционирования и эволюции языка освоенные оноματοпы подвергаются изменениям, обусловленным ассимилятивно-диссимилятивными процессами, так и стихийным и даже целенаправленным изменениям, на базе которых возникают новые их версии — модули, становясь впоследствии основой для оформления новых понятий;

(2) следует не забывать об отсутствии четких границ между «языками» различных Стихий, как и между самими Стихиями в Природе. Некоторые из приведенных выше оноματοпов, как многократно отмечалось ранее, могут быть результатом воспроизведения звучаний частных форм различных (более чем одной) Стихий: например, *лак. гур — гур* (используется как «язык» Огня и Воды), *лак. х ь х ь ев — х ь х ь ев* (применительно к Воздуху и Воде) и т.д.

Отметим также, что звучания даже взаимоисключающих, на первый взгляд, форм Стихий могут оказаться схожими, близкими, ср., например, подобие звучаний бьющихся о твердый каменный грунт капель частого дождя — Воды и потрескиваний хвороста, съедаемого Огнем на этапе разгорания костра (ср. в т.ч. и общность оноματοп-корней имен *рус. плеск* воды, *рус. блеск* воды, огня; *треск* и др.). Добавим, что Воды Небес, гасящие Огни Земли, звучат, издавая шипение, едино. «Язык» чего? Огня? Воды? — «Язык», порожденный, конечно, взаимодействием, контактами частных форм сосуществующих и взаимопроникающих Стихий.

Следовательно, источник одного и того же или близких звучаний, как отмечалось выше, может быть не только один и тот же, но и оказаться разнообъектным, ср. также: *дарг. жиб+кья+ри* «воробей», *дарг. жир-жир чяка* «жаворонок», в которых *жиб-* и *жир-* «вольное» переложение этносом «пения» малых птишек, тогда как *жи-* в имени *дарг. жих1* «моча» — «говор» энергии струи природных объектов. Сознанию нет дела до авторства звучаний: элементы «языка» конкретных его источников любого, в т.ч. разноуровневого происхождения (см. птицы — моча), заслуживают обобщения, что подтверждается, в частности, материальной общностью приведенных выше имен «говорящих» объектов Природы и имени *ментального* продукта — абстракции «клич» *дарг. жи*, для номинации которого использован трансформ звукоподражаний: *жиб — жир — жих1 — жи*.

Более того, реализационные версии оноματοп-основ, представленные в именах «говорящих» единиц физического мира, могут стать для Сознания стимулом к обобщению, в т.ч. с целью использования в последующем в функции инструмента номинации не только конкретных, но и абстрактных «тел», как это произошло в ситуации использования модуля оноματοпов, обозначающих разноуровневые

объекты, в данном случае: воробей, жаворонок, моча... — для обозначения отвлеченного понятия «клич» *дарг. жи*.

Для полноты картины специфики ономатопной номинации следует обратить внимание, наряду с вышесказанным, и на выявленные (нами) в процессе исследования ее особенности, связанные с мотивами, полагаемыми языковым сознанием этноса в основу обозначения концепта:

(3) природный, даже «говорящий», объект может быть обозначен и «чужим языком» (см. выше в т.ч. аварскую версию имени «жаворонок») на основании наличия между данными предметами той или иной семантической связи, как прямой, так и опосредованной, автоматически, непроизвольно, детерминированно устанавливаемой образно-логическим восприятием и системным осмыслением единиц Мироздания как видов единой Семоуниверсалии «выступо↔разъемность», как частных форм бытия абстракции — «топосистема»;

(4) в именах «немого» объекта, как природного происхождения (например, звезда *лак. цлу+ку* или роса *лак. х ь ем*; или бровь *лак. итта+цлан+и* и др.), так и предметов рукотворного мира, даже тех объектов материальной культуры, которые в силу физических характеристик не могут быть источниками звучаний, могут содержаться (по причине, указанной в п. 1) ономатопный корень или его модуль, более того, ономатоп-основ в имени икс-объекта может быть и больше одного, ср., в частности, наличие элементов «языка» двух органов: легкого — органа дыхания (*гьугь, гьагь ...*) и области груди, грудной клетки (*х ь у г ь у, х ь а г ь*), которая зримо содрогается при кашле, в лакском имени рукотворного покрова верхнего яруса тела *лак. гьу+хья* «рубашка, платье, кофта» и *дарг. хья+р+ка* «рубашка, кофта» (на основе пространственной — *здесь*, а в целом и общем — и/или темпоральной смежности, а также тех или иных остальных семосвязей между донор- и реципиент-объектами (см. БаССо: Базовую систему семотношений);

(5) оба корня/корнеконсонанта имени как «говорящего» живого объекта Природы, например, *дарг. жиб+кья+ри* «воробей» (см. далее), так и «немого» предмета, в т.ч. единицы материальной культуры, могут оказаться модулями ономатопов, ср.: *лак. гьу+хья* «рубашка, платье, кофта» по причине, указанной выше;

(6) обратим также внимание на неоднозначность связей ономатоп-комплекса/ов в составе имени номинанта с самим обозначаемым объектом. Оба корнеконсонанта имени в т.ч. и «говорящего» живого объекта Природы (см. выше — п. 5) могут оказаться референтами двух ономатоп-донор основ: один — приблизительным звукоподражанием звучанию самого номинанта, другой — звучанию «языка» его видового аналога. В частности, даргинская версия орнитонима «воробей» *дарг. жиб+кья+ри* (и: *дарг. шан чьяка* *досл.* «села птица») представлена двумя ономатопами: первый, *жиб+* — это аппроксимированное звукоподражание звучанию самого воробья (и не только его, ср. также: жаворонок *дарг. жир-жир чьяка* *досл.* «жир-жир птица»), второй, *кья+* — это «язык» птицы семейства вороньих (ср., в частности: *дарг. кья+на* ворон, ворона). Следовательно, как отмечалось (нами) ранее и неоднократно, ономатопы не только маркеры самого источника звучания, творца и носителя «языка», но и, будучи абстрагированы от самого

(как конкретного, видового, а впоследствии — и родового) источника звучания, в последующем используются Сознанием в функции инструмента вербальной индивидуализации частных форм бытия, проявлений семоуниверсалии «топосистема», приобретая, таким образом, в научном конструкте — фонетической системе икс-языка — статус единицы инструмента номинации;

(7) единство корней (как на уровне целого слова, так и виде его модулей, т.е. различной степени материальной общности их имен) в обозначениях абстрактного и конкретных понятий, как следует из вышеизложенного, обусловлено их **общей донор-основой**, восходящей к звукоподражанию, звучанию/ям **конкретного донор-объекта**, которых, напомним (см. в т.ч. выше: воробей, жаворонок, струя/моча; клич), может быть больше одного, несколько (см. также далее и звукокомплекс **къя-/къяр**, восходящий к звучаниям более одного природного донора: «языку» птиц вороньей стаи и треску, звучаниям, издаваемых объектами ландшафта: ломающихся сухих суков и сучьев, ветшающей скалы, грохоту падающих с высоты обломков, шуму ссыпающихся по склону холмов и гор осколков щебня, камней, «песне» гальки, перекатываемой потоками горных ручьев и рек).

В дополнение к вышеприведенным фактам отметим, что, в частности, абстракция «верх» *дарг.* **х ьар** и конкретная часть тела «область груди» *лак.* **х ья+зам** (ср. также «нагрудной карман» на мужской рубашке» *лак.* **х ья+ра+жип**, а также имя самого целого — рубашки, кофты *лак.* **гьу+х ья**) восходят (прямо или опосредованно) к общей донор-основе — ономотопу «кашель» *лак.* **х ья+гь**, *лак.* **х ьу+гь**, ср. также морфологически оформленный ономотоп *субстантив лак.* **х ьу+гь (+у)** «кашель», т.е. к «языку» «говорящей» сомы — «груди», верхнего яруса тела. Или: омонимичная пара *дарг.* **къя+на** «ворон, ворона» (прямо) и *дарг.* **къя+на** «ложь, обман» (опосредованно) восходит к «языку» птиц из стаи вороньих, ср.: *лак.*, *дарг.* **къя-а-а** собственно «язык» вороньих. Или: имя абстракции «звук», «голос» *дарг.* **т1ама** и имя конкретного, хотя и родового, понятия *лак.* **т1ама** «дерево», «дрова» неслучайно интерпретируются (нами) как интерлингвальная омонимия.

Омонимичная пара восходит к единому сюжету: дятел-стукач, долбя ствол в поисках корма, «подсказал» человеку целую серию концептов, в именах которых в ряде этноязыков сохранилось общее ядро собственно-ономотопа или его обломков, фрагмент, ср.: в т.ч. имена концептов, непосредственно связанных с данным событием, ср.: *лак.*, *дарг.* **кьут1** «стук», *дарг.* **кьут1+кьут1+и** (и: *дарг.* **жяри+кьурт1**) «дятел», *дарг.* **кьуд+кьуд+и** клюв, *лак.* **кьут1+и+н** «воткнуть, вонзиться» — *дарг.* **кьуд+бик1ес** клевать... и др., так и опосредованно связанных, в именах которых, однако, исходный, **первичный ономотоп** подвергся серии метаморфоз, неузнаваемо преобразивших его облик.

В названной монографии (и последующих работах автора статьи) выявлены и проанализированы имена ряда концептов, прямо или косвенно восходящих к данному сюжету, привычному для предков хомо сапиенса, ср., наряду с названными выше: стук, дятел, клюв, ... и др.: *лак.* **т1ама** «дерево», «дрова» — *дарг.* **т1ама** «звук», «голос», ср.: *лак.* **т1ама+дук+у** «дятел», *досл.* «дерево/дрово+ед+ок», ... *дарг.* **дам** «барабан» (ср. *лак.* **да (*м)+ч1у ид.** — Г.Г.), его аналог

лак. **кьют1+и+лу** — *дарг.* **кьякь** «молоток»; ... и др.; ср. также данные аварского языка: *ав.* **гьот1+ор+к1о** «дятел», *ав.* **гьвет1** «дерево», ... и др.;

8) для образно-логического (восприятия и системного осмысления единиц Мироздания) мышления в сфере номинации не существует ни ассоциативных барьеров, ни лингвистических стереотипов, ибо определенная степень адекватности (физической, в т.ч. визуальной, или образно-логической, в т.ч. метонимо-метафорической, а также гносеологической/ментальной/абстрактной) номинанта донор-объекту всегда присутствует, она неотъемлема, вездесуща, чем и объясняется непредсказуемость неожиданных сопоставлений.

Сознание передает эти глубинные связи между объектами в своем продукте — языке посредством общего звукоряда, порождающего семьи однокоренных слов, будь то на уровне целого слова (см. явления полисемии, тотальной энантиосемии и омонимии) или на уровне общего корня, т.е. однокоренных слов (см. явления частичной энантиосемии и омонимии, а также частично-однокоренной синонимии и других однокоренных слов), ср., в частности, пары — тотальные омонимы: а) на эндолингвальном уровне, в т.ч.: «сливки — верх емкости» в лакском языке; «сливки — крыша» в арчинском языке; «сливки — колос — голенище» в даргинском языке; «гора — нос» в аварском языке; «ворона — ложь, обман» в даргинском языке, «дождь — мокрый (*таб.*)», или в лакском языке: «дом, комната — глиняный пол — ... — череп — улей — матка — родня мужа — съемная квартира — паутина — наволочка — пододеяльник — ...» и др.; ср. также образы различных видов структуризаторов, частных форм «выступо↔разъёмности» в русском языке: *рус.* **коса** — это и полоска суши, вдающаяся в акваторию, и женская прическа; и орудие косьбы; ... и др.; или на интерлингвальном уровне (языки указаны в скобках), ср.: дерево, дрова (*лак.*) — звук, голос (*дарг.*); пещера (*лак.*) — дорога (*авар.*); пещера (*лак.*) — матка, орган репродукции (*дарг.*); голова (*лак.*) — место (*авар.*); мужское начало (*лак.*) — маленький (*анд.*); блоха (*лак.*) — орел (*дарг.*); лицо (*лак.*) — щека (*дарг.*); нога (*лак.*) — щиколотка (*дарг.*); ... и др.

Очередным подтверждением тезиса является и следующий факт: полагаем, в частности, что в лакском языке имя органа зрения *лак.* **я** «глаз» стало использоваться этносознанием в качестве названия, казалось бы, совершенно не связанного с глазом, хронологически «свежего» концепта — парного разделительного союза «или, или», ср.: *лак.* **я ... / я ...**, основанием для которого, полагаем, явились «смыслы», связанные с контекстным образом картины особенностей органа зрения и «среды его обитания».

В данном случае, полагаем, переосмыслен образ глаза, парного органа, локализованного не только на передней, фронтальной части верхнего яруса тела — головы, но и в верхней части верхнего яруса — в глазных впадинах, более того, разделенных переносицей, потому и не видящих друг друга, т.е. «или — или» *лак.* **я ... — я ...** (ударение в звеньях данной омонимичной пары — **краткое**), ср.: *лак.* **я** глаз, *лак.* **я+ру** *И. мн.* Аналогичная ситуация: отвлеченные концепты, отражающие пространство и время, а именно: «вверху» *лак.* **я+лу'+в** и «потом» *лак.* **я'+ла** (*т.е.* «*верхнее*»/«*грядущее*»/«*будущее* время») в лакском языке обозначены

именами-композитами, в которых первая донор-основа является именем органа зрения, а вторая донор-основа лак. (я+)ду'+в / лак. (я+)да — модулями свободной основы лак. ду «шкура, кожа».

Вышеизложенное представляет собой лишь незначительную часть собранного нами материала и подтверждает идею об ассоциативно-метонимическом способе словообразования, о человеческом слове, изначально звукоподражательном, как способе общения не только межчеловеческого, а также общения с природой, с окружающими предметами.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ганapieва Г.-Дж. М. Язык и космические технологии. Онтогносеологические основы лингвономогенеза. Монография. — Махачкала, 2005.
- [2] Иванов Вяч. Вc. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. — М., 2004.
- [3] Ганapieва Г.-Дж. М. Роль ономатопов как системообразующего фактора в формировании базового лексического фонда // Сб. «Изучение фольклора, литературы и языков народов Дагестана». Материалы 7-й международной конференции фольклора, литературы и журналистики. — Махачкала: ДГУ, НИИ, 2012. — С. 181—188.
- [4] Ганapieва Г.-Дж. М. Отражение в языке системности восприятия человеком объективного мира // Сб. «Тезисы 1-го международного симпозиума по языковой ситуации в современном мире». — Пятигорск, 1996. — Т. 1. — С. 111—114.
- [5] Ганapieва Г.-Дж.М. К поискам образно-логического решения проблемы генезиса и эволюции языка. 9-й международный коллоквиум Европейского общества кавказоведения. — Махачкала: ДНЦ РАН, 1998. — С. 23—25.
- [6] Ганapieва Г.-Дж.М. К поискам решения проблемы семантических универсалий // Сб. «Семиотика языковых единиц разных уровней». Вып. 3. — Махачкала: ДГУ, 1998. — С. 140—146.
- [7] Ганapieва Г.-Дж.М. Парадоксы дериватологии // Сб. «Семиотика языковых единиц разных уровней». Вып. 10. — Махачкала: ДГУ, 2005. — С. 47—55.

CONCEPT OF SEMANTIC UNIVERSALIA: RESURRECTION OF THE ONOMATOPOEIC THEORY OF THE ORIGIN OF LANGUAGE?

G.-Dzh.M. Ganapiyeva

Research Institute of Folklore, Literature and Journalism
Dagestan State University
Magomed Hajiyev str., 36, Makhachkala, Russia, 367025

Concept of semantic universalialia is the author's version of onomatopoeic theory of the origin of language, formulated by the author in the book «Language and space technology». Determining role in the genesis and evolution of language belongs to: natural preconception figurative logic of perception and understanding of the universe as Consciousness mega system of interacting multi-level classes toposistem peers. Sound elements (Fire, Air, Water, Earth and private forms of their existence, as well as other living objects of nature, as was the basis for the formal aspects of the language and the basis of its semantic structure. Onomatopoeia is primordially free and multivariate.

Key words: glottogonic, semantic universalialia, onomatopoeia, metonymy.

REFERENCES

- [1] *Ganapiyeva G.-Dzh.M.* Yazyk i kosmicheskiye tekhnologii. Ontognoseologicheskiye osnovy linguonogeneza. Monografiya. — Makhachkala, 2005.
- [2] *Ivanov Vyach.Vs.* Linguistika tretyego tysyachiletiya. Voprosy k budusghemu. — M., 2004.
- [3] *Ganapiyeva G.-Dzh.M.* Rol onomatopov kak sistemoobrazuyushego factora v formirovanii bazovogo leksicheskogo fonda // Sb. “Izucheniye folklora, literatury i yazykov narodov Dagestana. Materialy 7-oy mezhdunarodnoy konferentsii. — Makhachkala: DGU NII folklora, literatury i zhurnalistiki, 2012. — S. 181—188.
- [4] *Ganapiyeva G.-Dzh.M.* Otrazheniye v yazyke sistemnosti vospriyatiya chelovekom obyektivnogo mira // Sb.: Tezisy 1-ogo mezhdunarodnogo simposiuma po yazykovoy situatsii v mire”. — Pyatigorsk, 1996. — T. 1. — S. 111—114.
- [5] *Ganapiyeva G.-Dzh.M.* K poiskam obrazno-logicheskogo resheniya problem genezisa i evolutsii yazyka // 9-y mezhdunarodny kollokvium Evropeyskogo obschestva kavkazovedeniya. — Makhachkala: DNTS RAN, 1998. — S. 23—25.
- [6] *Ganapiyeva G.-Dzh.M.* K poiskam resheniya problem semanticheskikh universaliy // Sb. “Semiotika yazykovykh edinits raznykh urovney”. Vyp. 3. — Makhachkala: DGU, 1998. — S. 140—146.
- [7] *Ganapiyeva G.-Dzh.M.* Paradoxy derivatologii // Sb. “Semiotika yazykovykh edinits raznykh urovney”. Vyp. 10. — Makhachkala: DGU, 2005. — S. 47—55.